

НЕ НОВЫЙ, НЕ БЕЛЫЙ, НЕ «МЕРСЕДЕС»

Неувядающая газета. — 2000. — 8 июня. — с. 7

Майя Крылова

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, что вы можете сказать по поводу грядущих организационных сенсаций в Большом театре, предрекаемых СМИ?

— Повторяю много раз и повторяю еще — мне ничего не известно, для театра это только слухи. Я не могу комментировать все, что говорят. Потому что врут без зазрения совести. Вот недавно прочитал, что после критики, полученной на мою постановку «Лебединого озера», я объявил войну многим журналистам и велел не пускать их в театр, а они решили добиваться справедливости через суд. Ну не подавал никто в суд на Большой театр из-за таких запретов, не было ни одного судебного разбирательства с журналистами по этому поводу. И не могло быть, потому что я никогда не отдавал подобных глупых приказов. Это, видимо, чьи-то видения. И как мне с ними быть — опровергать галлюцинации? Или вдруг с изумлением выясняю, что ГАБТ был многие годы под личной опекой президента, потому что, оказывается, «плечом к плечу» с Ельциным стоял на баррикадах в 1991 году во время путча ГКЧП. Я, может, и стоял бы, но, к сожалению, меня не было тогда в Москве. Да, наверно, меня тогда и не допустили бы к Ельцину, даже влезть на танк. Почему бы автору этой «сенсации» не спросить меня самого, как было на самом деле?

— Но неужели вы не интересовались у официальных лиц, насколько достоверны, например, разговоры о слиянии дирекций Большого и Мариинского театра под руководством Валерия Гергиева?

— Почему же, я говорил на эту тему с министром культуры Михаилом Швыдким, спросил его, как он относится к таким проектам. Он ответил коротко: это бред.

— Есть и другая журналистская версия, связанная с Министерством культуры: передать театр под его юрисдикцию, то есть, видимо, изъять ГАБТ из федерального списка особо ценных культурных объектов общероссийского масштаба...

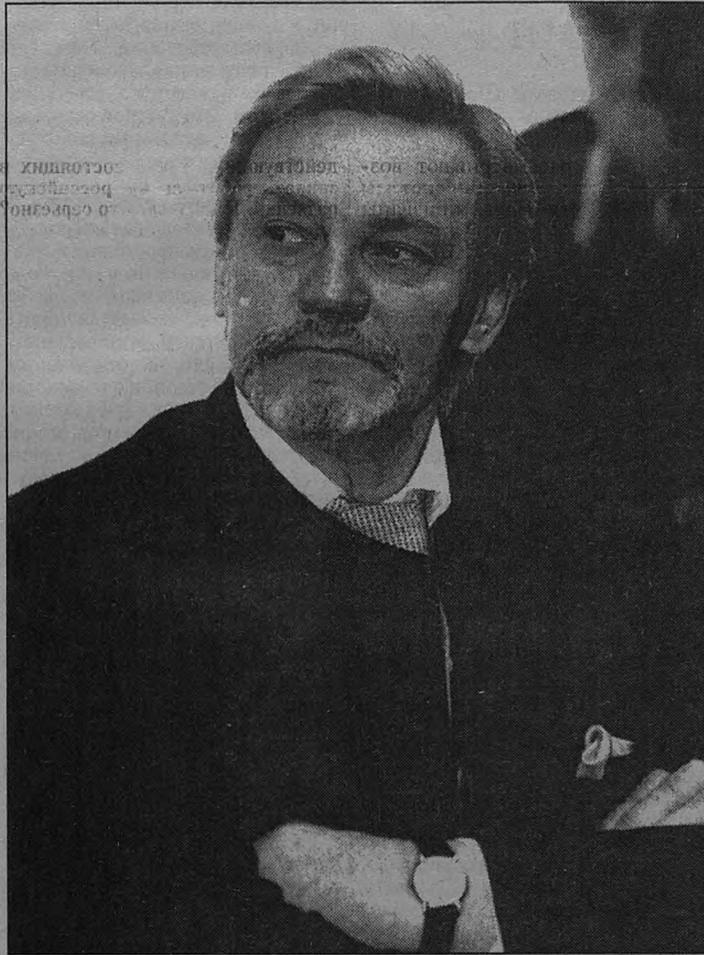
— Ничего об этом не знаю. Но не кажется ли вам, что эта версия исключает версию о слиянии ГАБТа и Мариинского театра? Или нас совместно, так сказать, в объединенном виде, отдадут министерству? И меня с Гергиевым заодно включают в состав какой-то «концертной дирекции», якобы планируемой совместно для ГАБТа и Кремлевского дворца? Под руководством директора труппы «Кремлевского дворца съездов» Андрея Петрова. Такое мне тоже приходило читать. Искренне хотелось бы выяснить у автора: какой именно из этих почти взаимоисключающих слухов — самый популярный в кругах сплетников о театре?

— На праздновании вашего 60-летия в царской ложе ГАБТа не было ни президента, ни членов правительства. Это тоже дало повод для разговоров о немилости власть имущих к Васильеву...

— Это правда, Владимир Путин не приехал, поскольку был вне Москвы с государственным визитом. Валентина Матвиенко, представлявшая правительство, не захотела сидеть в царской ложе и находилась в партере. Что касается других высокопоставленных лиц, то они присутствовали, хотя я не помню точно, кто именно был. Приглашения были разосланы по официальному протокольному списку. Кто-то откликнулся, кто-то нет. По-моему, это нормально.

— В прессе намекают на «тяжелый разговор в Кремле», после которого вы якобы сами заявили, что готовы уйти в отставку...

Разговоры о скорой смене руководства в Большом театре в последнее время приобрели характер журналистской лавины или организованной кем-то кампании. При этом становится почти невозможно найти истину: каждый следующий журнал или газета ссылаются на информацию из предыдущих публикаций, полученную, как следует из текстов, от таинственных «компетентных источников», никогда не называемых внятно. «НГ» обратилась к художественному директору ГАБТа Владимиру Васильеву с просьбой прокомментировать весь «пакет» слухов. Васильев согласился неохотно: ему «надоело оправдываться».

Владимир Васильев был и остается художественным директором Большого театра. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— Вот опять я должен отвечать на чьи-то вымыслы. Не было никакого разговора! Ни тяжелого, ни легкого. Ни с кем. И заявлений об отставке я не делал.

— Вы подписали документы на проведение в ГАБТе в 2001 году очередного Московского международного конкурса артистов балета. Значит ли это, что вы помирились с тем, кого называют вашим «лютым врагом» — Юрием Григоровичем, традиционно возглавляющим конкурс? Или это признак вашего скорого ухода из театра? Говорят, что именно из-за его обещания не переступать порог ГАБТа, пока вы в нем директор, предыдущий конкурс впервые за многие годы проходил не в Большом, а в другом театре...

— Я действительно подписал соглашение о проведении конкурса с Министерством культуры по его министерству, просьбе. А почему бы нет? Это престижный международный смотр, он должен проходить у нас в театре. С Юрием Николаевичем никаких переговоров на эту тему я не вел. Да, у нас с ним были разногласия, но «лютым врагом» я его никогда не считал и не считаю. Я с самого начала ему звонил, еще пять лет назад, когда нас активно ссорили его и мои сторонники и противники. Я хотел предложить ему поставить новый балет в ГАБТе. Григорович — талантливый балетмейстер, его спектакли должны быть в репертуаре Большого театра, и они постоянно есть в афише. Недавно я приглашал его на свой юбилей. А приходил или не приходил Григоровичу в театр — его личное решение. Вопреки распространенной версии я не пришел в ГАБТ «на смену» Григоровичу — ведь он

никогда не был директором театра. Более того: когда мне в свое время предлагали его место, а он тогда еще работал главным балетмейстером — я отказался. Я сказал — эта должность меня не интересует, мне интересен Большой театр в целом, моя главная задача была — объединить все компоненты театра, потому что их высокий уровень и делает ГАБТ неповторимым. Оттого я и согласился занять нелегкий директорский пост.

— У вас, в отличие от сотрудников всех подразделений ГАБТа, нет контракта, поскольку вы назначены на должность директора приказом председателя правительства. Вы это неоднократно повторяли, но по-прежнему пишут о том, что «контракт Васильева... может быть закрыт по истечении театрального сезона».

— Могу еще раз повторить для тех, кто недопонял или не хочет понять: никакого контракта у меня нет, и потому «закрывать» нечего. В принципе я могу быть уволен, как говорится, одним росчерком пера.

— И все же вы допускаете возможность, что такое решение уже тайно принято «наверху», просто вы о нем не знаете?

— Теоретически допускаю. Может быть, на самом деле существует указ, который лежит в каком-то из многочисленных ящиков в правительстве или в администрации президента. И ждет своего часа. Еще раз повторю, теоретически это может быть. Потому что есть прецеденты. Сколько раз мы с вами наблюдали — важные государственные чиновники узнают о своем увольнении из средств массовой информации. Раз это в

принципе происходит — почему не может произойти со мной? Хочу еще сказать о контрактах, чтобы у журналистов не было многочисленных ошибок. Контракты с артистами подписываются на год, точнее, на театральный сезон. Потом они продлеваются — если продлеваются — еще на год или даже на два, например кордебалету. Сейчас почти все контракты на следующий сезон уже подписаны. И непонятно, откуда в прессе появляются другие даты — октябрь, Новый год и так далее.

— Стало известно, что у вас разногласия с руководителем оперы ГАБТа Юрием Григорьевым...

— Какие разногласия? У Григорьева был тоже годовой контракт, как у всех руководителей подразделений ГАБТа. Он скоро заканчивается. Пока новый контракт с ним не подписан.

— Ваши отношения с Мстиславом Ростроповичем и Майей Плисецкой на сегодняшний день? Говорят, что вы с ними в ссоре...

— С Ростроповичем у нас натянутые отношения, вернее, нет никаких отношений, потому что разговора с ним давно не было. Я — единственный член худсовета ГАБТа, который голосовал «за», а не против проекта Мстислава Леопольдовича: он хотел поставить в театре «Леди Макбет Мценского уезда». Увы, Ростропович обиделся на отказ. Хотя я ему все тогда объяснил: ГАБТ — это не личный театр Васильева, и я не один решаю. Я не могу отменить решение худсовета. Отношения с Майей Михайловной? Она — гордость российского балета. Вот скоро будем отмечать в театре ее юбилей.

— У журналистов всегда есть свои источники информации. А имеете ли вы подобные связи в тех учреждениях, от которых зависит ваше душевное спокойствие? Можете ли неофициально и достоверно выяснить, что в разговорах о переменах в ГАБТе — правда, а что — ложь?

— Увы, я как-то упустил из виду это важное дело. Не завел себе «источников». Некогда этим занимался. Если разгадывать такие ребусы — в театре все надо забросить.

— Но, видимо, директору тяжело строить долгосрочные планы, если он живет под психологическим гнетом «увольят — не увольят»? И при этом читать о «творческой деградации» ГАБТа?

— Вот уж, поистине, нет пророков в своем отечестве. Неужели для того, чтобы быть по достоинству оцененным в прессе, нужно уезжать за рубеж? Читайте хотя бы последние публикации в английских и американских газетах о гастроях ГАБТа. Там сказано: «Большой — по-прежнему великий театр». Тяжело отвечать на постоянные вопросы «а правда ли, что...» Но в работе я прохожу мимо всего этого. Мои планы — это планы театра, и они осуществляются независимо от подобных разговоров. Возможно, если б я не был на посту директора и не боялся чрезмерно погрузиться в трясину дрызг, я бы по-другому говорил с авторами сплетен. Пора положить предел вранью и фактическим ошибкам. Ведь врут даже о том, как я приезжаю в театр. Пишут, что видели мой «новый белый Мерседес», стоящий у директорского подъезда. Интересно, откуда он появился в печати, если его нет в природе? Я езжу на служебной машине — зеленом «форде», действительно новом. Написал на все это эпиграмму. Дарю ее «Независимой газете». Помните, у Высоцкого в одной из песен есть слова про «злых старух», разносящих сплетни? У меня получилось так:

*Неистребимы нынче слухи.
Из ничего рождают бурю
Не только злые старухи,
Но и «эксперты» по культуре.*